

Об авторе. 67 лет. Живет в г. Саров (Россия). "Профессиональный литератор (драматург, сценарист, поэт, прозаик). Член Союза писателей России...

Публиковался в журналах "Юность", «Север», "Волга", "Сибирские огни", "Звезда Востока".

Автор двух прозаических сборников – "Премьера" и "Из неизданного", четырех сборников стихов – "Север", "Солнце сквозь сосны", "Маскарабозы" и "Боль", а также – нескольких книг для детей. Первый сборник стихов издан в 1970 году, последний – в 2009-ом. Основной вид литературной деятельности – драматургия. Из восьми написанных пьес, четыре поставлены в ряде театров России и ближнего зарубежья. Пьеса «Майский жук в шляпной картонке» переведена на польский язык и поставлена в г. Лодзь.

В прошлом – режиссер, актер, художник. Работал в театрах России, Средней Азии и Казахстана. Ставил спектакли в театрах Польши и Греции.

Окончил ГИТИС им. А.В. Луначарского по специальности «Режиссура драматических театров», а также – Литературный институт им. А.М. Горького по специальности «Драматургия».

В Сети – член Союза писателей Украины, Международного Союза писателей «Наш современник», Русского Литературного Клуба первого созыва, Товарищества детских и юношеских писателей при СП России".

СЛОВО И ДЕЛО

Такое просто
Нельзя представить:
Скрипят колеса...
Трещат суставы...
И плеть – с приплясом –
От плеч до паха...
А рядом – мясом
Паленым пахнет...
На дыбе кто-то
Визжит по-женски... –
Кипит работа
В Преображенском.

Вспотели каты.
Устал князь-кесарь.
Ведь он когда-то,
Без всякой спеси,
Почел не лишним,
Царю радея,
В Приказе лично
Пытать злодеев.

Сначала – «слово»...
За словом – «дело»...
Донос – и снова
На дыбе тело...

Доносчик – рядом.
Молчит покуда...
Под княжьим взглядом
Дрожит, паскуда:
Смекает, стерва,
Что он-то первым

Свой кнут получит...
На всякий случай.

В «свободе» полной,
В эпохе страшной,
Пробило полночь
На Спасской башне,
Погасли чинно
Огни Лубянки,
Где, по причине
Стабильной пьянки,
В ночные будни
Нарком «болеет»,
А значит, будет
Намного злее,
Следя, воочью,
Как каждой ночью
В притихшем зданье,
Ведут дознание.

Сначала – «слово»...
За словом – «дело»...
И кто-то снова
Готов к расстрелу.
А дальше – тише!..
Довольно взгляда –
И он подпишет
Вам все, что надо.

Доносчик счастлив:
Ведь он – в фаворе:
Жиреют часто
На чьем-то горе.
Не зря смеялся
Чекист железный:
«Стучать не бойся!
Стучать – полезно!».

А что сегодня?..
В эпохе нашей?..
И в «Нашей Раше»?..
Подумать страшно.

ИСХОД

Николаю Туроверову, Арсению Несмелому, Ивану Савину

и другим – гораздо менее известным, а то и не известным вовсе поэтам-белогвардейцам посвящается.

Не отход, а исход! Бредем на восток,
Ноги, стертые в кровь, волоча.
Половина пути – по колено песок,
Половина пути – солончак.

От колодца к колодцу – палящий зной:
Вот уж месяц, как нет дождей...
Были б кони!.. но – нет!.. Кони пали давно.
Люди, все же, сильнее лошадей.

Прошлой ночью сбежали проводники
(Вот и верь сволочам-басмачам!..),
А на пятках – какого-то Фрунзе полки...
Облепили, как саранча.

Налетают, под вечер... внезапно... вдруг...
Не давая остыть ногам.
Хорошо, что есть ты, мой проверенный друг–
Револьвер системы «Наган»!

Три часа назад был последний бой.
Ты был скор!.. – и упал с коня,
Рядом с тем, кто меня заслонил собой,
Тот, который стрелял в меня.

Вот – лежат они... рядом... щека к щеке –
Враг приник, в смертный миг, к врагу...
Пятна крови на белом солончаке,
Словно гроздь рябины в снегу.

Мы черствы: по погибшим уже не скорбим –
Нынче впору скорбеть по живым.
Что нас ждет впереди?.. Синьцзян и Харбин?..
«Новой жизни» спешные швы?..

Перспектива черна, как монаший клобук:
Вместо дома – чужая земля,
Вместо белых берез – арча и бамбук,
Вместо ржи на полях – гаолян...

Не за это дрались мы, Россию любя!
Так на скрипке рвется струна...
Ты прости, что пришлось нам оставить тебя,

Изнасилованная страна!..

Что тебя – нашу Мать, Жену и Сестру –
Мы омыли кровавым дождем!..
Уходить, чтоб вернуться – порочный круг!
Ты не верь! – мы уже не придем.

Будут, медленной болью, тянуться года
Над какой-нибудь Желтой рекой,
И не будет покоя нам никогда,
Разве только – Вечный покой.

Кто там врет, что мы жизнь прожили не зря?!
Чем дышать прикажете мне,
Если больше ни Бога нет, ни царя?..
Если даже Отечества нет?!..

Если попрано все!.. и в моей стране
Правит бал торжествующий хам!..
Чем прикажете жить, если места в ней
Нет ни мне, ни моим стихам?!

Если сердце мое – как гноящийся струп,
А душа – больна и нага!
Ты теперь – мой последний... единственный друг –
Револьвер системы «Наган».

Мне вручили тебя в девяносто восьмом.
В день присяги. И с этого дня,
Двадцать, с лишним, лет, ты, товарищ мой,
Сотни раз выручал меня.

Я давно поборол и сомненья, и страх
Перед самым последним грехом.
Я пишу эти строки в свете костра
Из моих остальных стихов.

Напишу их стволom на песке – и все!
Их никто не прочтет? – так что ж!..
Пусть их ветер, к утру, по степи разнесет,
Или смоеет нахлынувший дождь.

А когда свой последний катрен допишу –
Вытру ствол... крутану барабан...
И, поставить в нем точку, тебя попрошу,
Револьвер системы «Наган».

СЛУШАЙ ТИШИНУ!..

Моим аргентинским друзьям и коллегам –
Веронике Санчес и Раулю Косме Эстевесу,
убитым, в числе других противников режима Рейнальдо Биньоне,
в мае 1979 года на поле поло-клуба "Коронел Суаррес".

Полночь. Поле для игры в поло.
Лёжа навзничь, разбросав руки,
Ты вдыхаешь тишину, Косме.
Воздух – горькая полынь с перцем.
Не бывает тишина «полной» –
Тишина всегда полна звуков:
Даже если попадешь в космос –
Будешь слышать гулкий стук сердца.

Принесет, прошелестев, ветер
Запах скошенной травы прелой,
Да в конюшне, что в густой роще,
Беспокойная заржет лошадь.
Прошуршит в траве змея где-то,
Заведет сверчок свои трели... –
Тишина звенит в ушах громче,
Чем ревущая толпой площадь.

В черном небе – над тобой, Косме –
Безмятежность и покой... трезвость.
Волопас повел гулять свору,
Добродушных звездных псов гончих.
Вероника расплела косы,
Чтобы волосы опять срезать:
Птолемей вернется к ней... скоро...
Это твой последний день кончен.

Здесь – внизу – травили вас псами
После сыгранного днем матча.
Сняв мундиры – веселы, ражи –
Для потехи, натянув стринги,
Добивали тех, кто жив, сами
Перепившиеся, в хлам, «мачо»,
И насиловали жен ваших,
И машинкой для овец стригли.

Ах, как весело скакать голым,
По живым мячам лупя клюшкой!
А потом надеть мундир важно
И отбыть к своей семье – в город...

Слушай, Косме, тишины голос
(Скоро будут говорить пушки),
И вбирай в себя спиной влажной
Остывающей земли холод.

Этот холод, пополам с болью,
В небе звездные зажег свечи.
Неотпетую твою душу
Не услышат в городском шуме.
Ты не свидишься с женой больше –
Вероника будет ждать вечно.
Слушай, Косме, тишину!.. Слушай!
Ты еще не до конца умер.

[Страница автора в Сети.](#)